

13.08.98

Климов Элем

Николай АДАМОВ

Творческие люди часто входят в историю парами. Отец и сын Дюма, Мария и Пьер Кюри, братья Люмьер, Райт, Вайнеры, Стругацкие... Наконец, братья Климовы. Элема — знаменитого кинорежиссера, возглавлявшего в свое время Союз кинематографистов СССР, — знают, кажется, все. И хотя сценаристы, как правило, остаются в тени режиссеров, к Герману это не относится: самые известные фильмы Элема — «Спорт, спорт, спорт», «Агония», «Иди и смотри», «Прощание с Матерой» — поставлены по сценариям брата.

Мы сидим с ними в ресторане Дома кино. Столы расставлены, как парты в школьном классе. Еще напоминает школу то, что лица все узнаваемы и можно запросто пересесть за другой стол.

Параллель усиливает расхаживающий от стола к столу Борис Хмельницкий, который, как внимательный учитель, походя интересуется делами каждого. Когда Хмельницкий поравнялся с нами, Герман привстал и театрально спросил:

— Мы не встречались с вами по-запрошлым летом за границей?

— Как же! Как же! В Палермо!.. — из-под седьмой бранной с чернью бороды блеснули зубы Хмельницкого...

— Было, это на фестивале спортивных фильмов, — начал рассказ Герман, когда Хмельницкий прошествовал далее. — Боря, привыкший к популярности на Родине, очень неуютно себя чувствовал под пустыми взглядами сицилийцев. И вот мы, чтобы вселить в него уверенность, предложили как ведущему российскому актеру устроить авторский вечер. Зная, что Боря любит петь под гитару, я сочинил для него куплетов 25 про гостеприимных палермцев. Я положил этот текст, написанный, естественно, по-русски, на мелодию весьма популярной в Италии, но ужасно неприличной уличной песенки. И когда ничего не подозревающий Хмельницкий начал этой песней свой концерт, многие, в том числе и местные мафиози, пришедшие сюда со своими многочисленными семьями, с громогласным возмущением стали покидать зал. Синхронного перевода, разумеется, не было. Растерянный Боря допел свою кантату на скандальную мелодию до конца под радостное ржание оставшейся молодежи и закоренелых холостяков. На следующий день Хмельницкого узнавали на улице. Местные газеты раструбили об этом скандале и растиражировали портрет русской звезды.

— Давайте все-таки поговорим о вас.

— Пожалуйста. Мой брат Элем Климов — один из последних могикан советского кино. Выдающийся кинорежиссер 60-х, 70-х, 80-х и, надеюсь на благополучное решение затянувшегося проекта, 90-х годов. Работает как настоящий классик, без суеты. Один фильм — в десятилетие. Но знакомый! Как говорил Сергей Бондарчук: Элем, прикасаясь к теме, и закрывает ее — нового после него там уже не скажешь.

— А можно про другое? Что за имя чудное — Элем?

Элем: — Это мама постаралась, назвав меня в честь героя романа Джека Лондона, которым увлекалась тогда, Элема — Элема. Кстати, по-французски Элем — она любит...

— Получив такое шикарное имя, вы и как распорядились замечательно, почти в духе Джека Лондона — спорт, история, кино,

Элем Климов — Инне Чуриковой: «Глоток шампанского не повредит»

Посторонним вход разрешен

Братья любят дичь

административная деятельность. Фильм «Спорт, спорт, спорт» — для вас не случайный ведь эпизод. Я знаю, что вы сами играли в команде мастеров по баскетболу, на приличном уровне выступали и в волейболе, и в легкой атлетике, и в гребле...

Элем: — Было, было. И все-таки спорт — это больше в компетенции Германа. Он десяток лет был в сборной страны по десятиборью и прыжкам в длину, участвовал в чемпионате Европы. То есть трудился в спорте долго и эффективно. А потом уже рванул в кинематографию.

Герман: — Это я за тобой тянулся. Брат меня взял на прицеп с детства. Чтобы я, маленький, от рук не отбился. Брат со сверстниками меня в свои игры брал, правда, в основном как подручное средство. Например, в перетягивании каната: за руки, за ноги... Вот я и вымахал — ростом под классического десятиборца, а размах рук у меня превышает пропорции Леонардо да Винчи — тянули-то за руки. Но в десятиборье большие рычаги — это плюс, снаряды дальше можно метать.

Элем: — Ты скажи, что и писать стал, потому что мы с тобой в Вильгельма Телля играли: сбивали с твоей головы яблоки перьевыми ручками. Как сейчас помню: стоишь ты, четырех-

летний карапуз, на голове яблоко, а во лбу торчит ручка, пущенная моей рукой, как в чернильнице...

Герман: — Не исключено, именно из-за этого, все-таки рука брата... Да ты меньше слушай, ешь лобию, здесь хорошая грузинская кухня, сациви настоящее, шашлыки сказочные...

— Ну вот и до вкусов добрались. Какую еду любите, братья?

Герман: — Элем — казачий полковник, ему этот чин присвоили алтайские казаки, когда мы были на праздновании дней Шукшина. Вообще мы из Сталинграда — тоже казачьи места. А любимая еда с детства — уха из рыбы, пойманной в Волге и приготовленной тут же, на берегу. Окрошку сами любим готовить, пельмени, вареники, особенно с вишней... Но кавказская кухня — тоже, знаешь, сильная вещь. Мы еще со спортивной молодости это поняли, когда ездили на сборы в Абхазию. А потом — туда же, в уже знакомые места, отдыхать. Снимешь домик на побережье, шашлыки на природе приготовишь, «Изабеллы» разольешь по бокалам.

Элем: — Чуть не пострадали из-за этой любви. В семидесятые Герман еще прыгал, так вот, приехал я к нему в Леселидзе, и пошли мы с его тренером Волковым Владимиром Васильевичем в лесок, поближе к горам. Там сушняка подходящего для костра не нашли. Недолго думая, отодрали от какой-то уже разобранной ограды (зачем она на опушке?) несколько кольев и тут услышали чей-то гортанный крик. Повертели головами — никого. Понесли дрова — снова крик. И тут заметили: на вершине горы, километрах в двух от нас, сидит кавказский человек в бурке, рукой грозит и что-то кричит. Слышно, как будто рядом из кустов кричит, а что — не понять, языка-то не знаем. Тем более, дело сделано, колья мы уже порубили. Только мы

стали вкушать запах поспевающего шашлыка, как из леса выходит отряд абхазцев, человек десять, у всех топоры за поясом, и мрачно так на нас глядят. Хорошо, что был Герман, который снимал койку в доме одного из рассерженных абхазцев. Тут же объявили Великое Перемирие. Мы пригласили горцев к костру. А у них и вино оказалось с собой, кроме топоров.

Но здесь тоже хорошие шашлыки, и главное, приятно их вкушать — атмосфера дружественная, не такая, как в большинстве кабаков. Нет набравшихся сверх меры и, в основном, все свои, знакомые. Вот, к примеру, узнаешь этого человека?

— Боже!.. В двенадцать часов, по ночам, из гроба встает император... Это же его величество Николай Александрович с одной из великих княжон...

Герман: — Он же — Анатолий Ромашин. А насчет разницы в возрасте... Так ведь мужчина и должен быть старше и мудрее. К тому же приятно, когда тебя любят молодые девушки.

Герман: — Давайте о больном, ребятишки. Вот сделал сценарий ностальгического фильма о спортсменах нашей великой в прошлом и спортивной державы. О том, как молодцы мы были, как искренне дружили граждане наших теперь суверенных республик. Где только найти полмиллиона на съемки?

Медленно уходил вечер. Все чаще мимо нашего стола проходили к выходу завсегдатаи, демонстративно вскидывая руку и озабоченно глядя в циферблат: «Уж полночь близится, а... Герман... еще здесь? А что это вы здесь делаете, а?» — соединяя два бессмертных выражения, одно из которых принадлежало сидящему здесь автору чудесной детской кинокомедии «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен», которой он дебютировал в кино.